

**Школа Православного Миссионера
при Синодальном миссионерском отделе
Русской Православной Церкви**

**«Критический разбор книги Дарьи
Сивашенковой "Вот Иуда, предающий Меня.
Мотивы и смыслы евангельской драмы"»**

**Материал подготовлен
студентами Школы на основе
разбора протоиерея Андрея
Новикова и А. М. Малера**

Москва, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

I. Как следует понимать Писание?	3
II. Анализ книги Дарьи Сивашенковой.....	7
III. Богослужебные тексты об Иуде.....	41
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.....	46

«В тот день пришли некоторые из фарисеев и говорили Ему: выйди и удались отсюда, ибо Ирод хочет убить Тебя» (Лк. 13:31). В Евангелии от Луки мы видим, как ко Христу подходят люди и сообщают о грозящей Ему опасности. Эти люди тревожатся о Нем и желают сохранить Его невредимым. Это забота о Теле Его.

Разве можно поставить этот поступок в один ряд с предательством Иуды? Когда человек, в заботе о Церкви, предупреждает Её об опасности, можем ли мы сравнить такой поступок с предательством Иуды?

К сожалению, на критический разбор протоиереем Андреем Новиковым и Аркадием Марковичем Малером книги «Вот Иуда, предающий меня. Мотивы и смыслы евангельской драмы» со стороны автора Дарьи Сивашенковой и сочувствующей ей группы людей посыпались обвинения именно в иудинном предательстве, в сведении личных счетов и нападках. В нашей статье мы постараемся отойти от гнева и пристрастия и разобраться, действительно ли имеет место быть личная неприязнь, или же критика обоснована и вызвана естественной ревностью о сохранении чистоты учения Церкви и попечением о душах Ее чад.

I. Как следует понимать Писание?

Святой Дух через святых отцов Трулльского собора в 19 правиле провозгласил:

«Предстоятели церкви должны по вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучать весь клир и народ словесам благочестия, избирая из Божественного писания разумения и рассуждения истины, и не преступая положенных уже пределов и предания Богоносных отцов; и если будет изследуемо слово писания, то не иначе да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя Церкви в своих писаниях, и сими более да удостоверяются, нежели составлением собственных слов, дабы, при недостатке умения в сем, не уклониться от подобающего. (выделено нами) Ибо, чрез учение вышереченных отцов, люди, получая познание о добром и достойном избрания, и о бесполезном и достойном отвращения, исправляют жизнь свою на лучшее, и не страждут недугом неведения, но, внимая учению, побуждают себя к удалению от зла, и, страхом угрожающих наказаний, соделывают свое спасение»

Авторитетные канонисты, комментируя это правило, говорят следующее:

Зонара: «...Притом святые отцы хотят, чтобы они учили не от себя, а от божественного Писания и толковали его по изъяснению божественных отцев, а не по собственному разумению и соображениям; ибо, говорят, если они руководствуются собственными соображениями, то может случиться, что иногда не будут в состоянии говорить и уклоняться от надлежащего. А из учения божественных отцев люди должны узнавать, что должно принимать и от чего должно отвращаться, и направлять жизнь свою к добродетели, избегая уклонения к грехам вследствие неведения божественных заповедей, и удерживаясь от зла страхом будущих наказаний».

Аристен: «...если кто предложит им (епископам, а если епископам так предписано, то мирянам и подавно – прим. наше) вопрос о смысле Писания, то **не должны толковать его от себя**: ибо то почитается добрым об них свидетельством, если они знают предания богоносных отцев и решают вопросы согласно с ними, а не то, если сочиняют собственные слова, дабы, в случае возможной несостоятельности решить их от себя, не уклониться далеко от истинного толкования».

Вальсамон, разъясняя это правило, говорит и о наказании за его несоблюдение: «А учить, по определению правила, они должны не чему-нибудь далекому и не от себя, но тому самому, что предано святыми отцами. Так говорят отцы. А некоторые пренебрегают таковою своею обязанностью потому, как кажется, что не указывается для них наказания. Но мне кажется, что таковые строго наказываются 58-м правилом святых Апостолов. Ибо оно говорит: «епископ или пресвитер, нерадящий о причте и о людех, и не учащий их благочестию, да будет отлучен. Аще же останется в своем нерадении, да будет извержен».

Священноисповедник Никодим (Милаш) пишет: «Это правило имеет в виду три требования: 1) чтобы епископы, предстоятели церквей, поучали вверенный им клир, т.е. проповедовали бы постоянно, особенно же в воскресные дни; 2) чтобы проповедь основывалась на Св. Писании, и 3) чтобы проповедник в своих проповедях не изъяснял Св. Писания иначе, чем как его, в своих писаниях, истолковали светила церкви, св. отцы...

Учение Вселенской Церкви, или учение св. отцов и учителей Церкви всегда служило руководством для проповедников и должно всегда служить таковым руководством, если они желают быть истинными выразителями учения Св. Писания; так как единодушное согласие всех отцов и учителей церкви в учении о

предметах Божественного Откровения или христианской веры, это – действительный признак истины.

Нужда и необходимость следовать учению свв. отцов в проповедях, при изъяснении Св. Писания, выступают сами собою ввиду возвышенности мыслей, содержащихся в Св. Писании».

О понимании Священного Писания через Священное Предание свидетельствует такой важный вероучительный документ, как **«Послание патриархов восточно-кафолической Церкви о православной вере» (1723 г.):**

«Веруем, что Божественное и Священное Писание внушено Богом; посему мы должны верить ему беспрекословно, и притом не как-нибудь по-своему, но именно так, как изъяснила и предала оное Кафолическая Церковь. Ибо и суемудрие еретиков принимает Божественное Писание, только превратно изъясняет оное, пользуясь иносказательными и подобно значащими выражениями и ухищрениями мудрости человеческой, сливая то, чего нельзя сливать, и играя младенчески такими предметами, кои не подлежат шуткам. Иначе, если бы всякий ежедневно стал изъяснять Писание по-своему, то Кафолическая Церковь не пребыла бы по благодати Христовой донныне такой Церковью, которая, будучи единомысленна в вере, верует всегда одинаково и непоколебимо, но разделилась бы на бесчисленные части, подверглась бы ересям, а вместе с тем перестала бы быть Церковью святою, столпом и утверждением истины, но соделалась бы церковью лукавствующих, то есть, как должно полагать без сомнения, церковью еретиков, кои не стыдятся учиться у Церкви, а после беззаконно отвергают ее».

Там же в ответе на вопрос №2 читаем: «Итак, поелику ясно, что в Писании содержится высота и глубина мыслей, то посему требуются люди опытные и Богопросвещенные для испытания его, для истинного уразумения, для познания правильного, согласного со всем Писанием и Творцем его Святым Духом».

По словам **священномученика Иринея Лионского**, незнающие предания апостольского не могут познать истину из одного Священного Писания. **Священномученик Киприан Карфагенский** говорил, что *«если мы обратимся к источнику божественного Предания, то прекратится заблуждение человеческое».*

А вот слова **святителя Игнатия Брянчанинова**: *«Дух произнес Священное Писание, и только Дух может истолковать его. Вдохновенные Богом мужи – пророки и апостолы, написали его; вдохновенные Богом мужи – святые Отцы,*

истолковали его. Поэтому всякому, желающему стяжать истинное познание Священного Писания, необходимо чтение святых Отцов».

Святитель Григорий Нисский предупреждает: *«Представляющееся с первого взгляда толкование написанного, если не будет понято в надлежащем смысле, часто производит противоположное жизни, являемой Духом».* **Блаженный Иероним Стридонский** нам говорит, что *«в рассуждении о Священных Писаниях нельзя идти без предшественника и путеводителя».*

Также замечательные слова встречаем у **священномученика Илариона (Троицкого)**: *«если оставить человека одного с Писанием, то Писание потеряет всякий определенный смысл и значение и останется только «один человек, который капризы и причуды своего ума будет прикрывать авторитетом Слова Божия».*

Священномученик Поликарп Смирнский, ученик апостола Иоанна Богослова, в Послании к Филиппийцам говорит, что тот, кто толкует слова Господни по своим похотям, тот первенец сатаны.

Можно привести еще множество цитат святых отцов, но ограничимся этим, напомнив еще одну, в которой и формулируется главный принцип, позволяющий оставаться в рамках истинного вероучения. Его сформулировал **преподобный Викентий Леринский**:

«В самой же католической Церкви особенно должно заботиться нам о том, чтобы содержать то, чему верили повсюду, всегда, все; ибо истинно и в собственном разуме католическое, как показывает значение и смысл наименования сего, – то, что все вообще объемлет. Но это будет наконец тогда, когда мы последуем всеобщности, древности, согласию; а всеобщности последуем мы тогда, когда признаем истинною ту только веру, которую исповедует вся по Земному Шару Церковь; а древности – тогда, когда никак не отступим от тех мыслей, которые, несомненно, одобрены святыми предками и отцами нашими; а согласию – тогда, когда в самой древности последуем определениям и мыслям всех или по крайней мере большинства священников и вместе учителей».

Таким образом, коль скоро мы разобрались, как следует понимать Священное Писание, то приступая к анализу книги Дарьи Сивашенковой «Иуда, предающий меня», претендующей на толкование самого Священного Писания, мы будем со всей строгостью рассматривать текст на предмет соответствия толкованиям свв.

отцов, особенно же касающихся вероучительных истин, потому как и сам автор позиционирует себя членом Святой Церкви.

II. Анализ книги Дарьи Сивашенковой

Уже во вступлении автор начинает сомневаться в Священном Предании:

«Это совершенно не мешает предательству Иуды оставаться самой нелогичной, самой необъяснимой историей Нового Завета.

Потому что не существует внутренне непротиворечивой версии, которая бы соединила в себе эту историю от начала до конца: от ветхозаветных пророчеств до новозаветных апокрифов.

Ты хладнокровно предал Учителя за тридцать сребреников, не ища ничего, кроме выгоды? – но как мог оказаться рядом с Христом человек такой чудовищной внутренней испорченности, если Писания прямо говорят об обратном?

Ты желал «подтолкнуть» Христа к тому, чтобы Тот в прямом столкновении с властями объявил Себя Мессией и Царем и освободил Свой народ от римского гнета? – но, если цель блага и даже возвышенна, отчего Христос так строго осуждает тебя, называя «сыном погибели»?

Ты разочаровался в Нем и желал переметнуться на сторону «сильных мира сего», подзаработав при этом? – но отчего тогда так быстро и беспощадно настигает раскаяние? Ты просто не мог не понимать, на что предаешь Христа, осуждение никак не могло стать сюрпризом»»? (с.13-14)

Дарья называет историю предательства нелогичной, рассматривая несколько вариантов намерений и ожиданий Иуды, однако, путается в собственных же рассуждениях. Из толкований святых отцов мы видим, что Иуда действительно предал ради выгоды, а не для того, чтобы Христос объявил себя Мессией и Царем. Святитель Филарет (Гумилевский):

«Евангелисты ни словом, ни намеком не указывают на то, что в Иуде было желание скорее воцарить Учителя, хотя такая мысль о нем облегчала бы скорбь

их о брате предетеле; напротив везде показывают они в Иуде душу алчную до корысти, до денег».

А то, что Иуда решился на предательство, как раз объясняется его ожиданиями, что Христос не даст Себя взять.

Блаженный Феофилакт Болгарский пишет:

«Иуда, будучи сребролюбивым, думал, что и серебро он приобретет, продав Христа, и Христос не будет умерщвлен, но избегнет иудеев, как часто избегал. Теперь же, увидев, что Он осужден и приговорен к смерти, раскаялся, потому что дело вышло не так, как он предполагал».

Святитель Филарет (Гумилевский):

«По последнему раскаянию Иуды видно, что жадно желая воспользоваться сребренниками, он не смотрел на последствия своего поступка или же отклонял мысли о них, думая о том, что Учитель его найдет средства избавиться от рук Синедриона, как избавлялся не раз».

«Традиция нам рисует образ, близкий к карикатуре, а не к портрету. Лицемер и лжец, не верящий в Христа и Его Богосыновство, сребролюбец и карьерист, жадный до власти и денег, вор, крадущий деньги у своих, саботажник, желающий разрушить дело Христа с самого начала, дерзкий, бесцеремонный и наглый. Что в конечном итоге и привело его к предательству» (с.21).

И тут Д. Сивашенкова принимает «менторский» тон и позволяет себе обвинять богоносных отцов в богохульстве, а также в стремлении очернить Иуду. В частности обвиняет в своей книге и святителя Николая Сербского и священноисповедника Василия Кинешемского:

«В объяснениях (того, что предатель оказался в числе учеников Иисуса Христа – прим. наше) толкователи упорно придерживаются раз и навсегда принятого мнения, отчего несурязица громоздится на несурязицу, доходя почти до прямого богохульства». (с.23)

«Стремление толкователей очернить Иуду и с самого начала противопоставить его одиннадцати ученикам» (с.27)

А ниже, используя прием через предполагаемую жестокость Иисуса Христа, приходит к опровержению испорченности Иуды - чуть ли не Сам Христос виновен в том, что Иуда предал Его.

«Такая вот игра на контрастах. И еще, оказывается, Христос не только заранее знал Своего предателя (это да, это Евангелие), но и предусмотрительно выбрал такого, чтобы не очень жалко было, когда погибнет» (с. 24).

Рассуждения Дарьи о том, что якобы по святоотеческой традиции Христос предусмотрительно выбрал предателя, лежат вне православного вероучения о Божественном предведении и предопределении: знание Христа о будущем предательстве никак не влияло на свободный выбор Иуды в момент предательства.

Напротив, **святитель Иоанн Златоуст** пишет:

«Чтобы кто-нибудь не стал осуждать Христа, говоря: почему Он не изменил Иуду? Почему не сделал его благоразумным и добрым? Как следовало сделать его добрым? По принуждению, или по воле? Если – по принуждению, то таким образом он не мог сделаться лучшим, потому что никто не может быть добрым по принуждению; если же – по воле и свободному решению, то посмотри, сколько сделал Христос, чтобы склонить его на свою сторону и спасти его: научил его всякому любомудрию и делами и словами, поставил его выше бесов, сделал способным совершать многие чудеса, устрашал угрозою геенны, вразумлял обетованием царства, постоянно обличал тайные его помышления, но обличая не выставлял на вид всем, омыл ноги его вместе с прочими [учениками], сделал участником Своей вечери и трапезы, не опустил ничего – ни малого, ни великого; но он добровольно остался неисправимым.»

А мысль о том, что Христос «выбрал такого, чтобы не очень жалко было, когда погибнет» на грани богохульства, потому Христу жалко всех людей, а о жалости к Иуде пишет и Златоуст:

«Владыка наш плакал о нем. Увидев его, говорится [в Писании], «смутися и рече: един от вас предаст Мя» (Иоан. XIII, 21). О, сколь велико милосердие Владыки: преданный скорбит о предавшем! Увидев его, говорит [евангелист], «смутися и рече: един от вас предаст Мя». Для чего Он опечалился? Для того, чтобы показать любовь Свою и вместе научить нас, что не того, кто терпит зло, а того, кто причиняет зло, нужно постоянно оплакивать»

Почему же тогда Дарья не задает вопрос: «Зачем Бог творил людей, если знал, что они согрешат, если знал, что будут страдать, с трудом добывать пропитание, в болях рожать, умирать, враждовать?» Предведение и предопределение – не одно и то же.

Далее, автор продолжает рассуждать в том же духе, как бы перекладывает вину на Христа, Который не «смог подобрать ключей» к сердцу Иуды:

И такой Человек, насквозь всех видящий, не может найти подход к одному из Своих ближайших учеников? Не знает, как и чем привлечь его к Себе, как достучаться до его души и сердца, чтоб там возникло хоть какое-то чувство, кроме сребролюбия? Будучи с ним рядом изо дня в день, из вечера в вечер, не только проповедуя при нем, но и ведя с ним живые дружеские беседы, деля хлеб, все радости и все невзгоды, так и не подобрал за три года ключ к его сердцу? (с.25)

Но разве Господь не создал человека свободным? Разве не говорит Он нам: «Се, стою у двери, и стучу: если кто услышит голос Мой, и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3:20)? По словам святителя Андрея Кесарийского, присутствие Бога в нашем сердце ненасильственное. Господь стоит при дверях нашего сердца, по словам праведного Иоанна Кроштадского, запертого грехом. Не Мессия виноват в том, что ключ не подобран, а тот, кто не позволяет Ему войти – грешник. Но стоит сказать даже больше: не все ли окружающие ученики видели тоже, что видел и Иуда? Так почему же они не предали Спасителя? Отчего те, кто также видели дела Христа, «каких никто другой не делал» (Ин.15:24) не помыслили предать Его? Потому что их свободная воля была направлена к Богу! О ком из 12-ти Иисус смущался духом, кроме как об Иуде? Сколько нужно дерзости, чтобы позволить себе обвинить Спасителя в вине Иуды? Истинно это подобно оправданиям Адама, который перекладывал свою вину на Бога в Быт. 3:12: «жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел». Но Адам хоть себя оправдывал, а тут же оправдание предателя Бога!

Если смотреть шире, если читать не только евангельский, но и ветхозаветный текст, то стандартный шаблон рушится с треском (с.28)

Дарья рушит Священное Предание, называя его стандартным шаблоном.

Затем автор сомневается в богодухновенности Евангелия от Иоанна, когда Иоанн пишет о том, что Иуда вор. Сомневается в том, что апостолу это было открыто Духом Святым.

«Лучше бы ты продала это миро и отдала деньги мне, а я бы уж нашел, как ими распорядиться», – словно говорит Иуда, а Иоанн как бы расшифровывает окончательно: Искарриот не заботился о нищих, а деньги предпочитал присваивать. В греческом тексте на месте слова «носил» стоит куда более выразительное «таскал»: он таскал из ящичка то, что туда опускали. Вор и есть вор, и это сразу резкое снижение образа: человеком, который ворует у своих, можно лишь гнушаться.

И получается, что вор до самого последнего момента был казначеем общины, и в том числе по слову Христа оделял деньгами нищих.

Что же, Дух Святой зачем-то открыл Иоанну то, о чем предпочитал молчать Сам Христос? Но Дух Святой чужие грехи не открывает, Господь никого не выставляет на позор и на людское судилище.

Д. Сивашенковой, видимо, лучше знать, чем апостолу Иоанну Богослову.

Автор книги использует манипулятивные методы, как бы выставляя виноватым Христа, который, зная, что Иуда вор и будущий предатель, ничего не делал, не препятствовал, тем самым, подводя под грех. **Свт. Иоанн Златоуст** же пишет:

«Даже и на вечера не переставал [Иисус] заботиться о нем [Иуде], но до последнего дня беседовал с ним об этом. Но Иуда не получил никакой пользы: не смотря однако на все это Господь не переставал совершать Свое дело. Христос предвидел, что предатель не исправится, - однако не переставал с Своей стороны заботиться о нем, увещевать его, угрожать ему, соболезновать о нем, не открыто и явно, но сокровенно. В самое же время предания даже попустил облобызать Себя, - но все это для Иуды было бесполезно. Вот какое великое зло сребролюбие! Оно именно сделало Иуду и святотатцем, и предателем».

Далее несколько страниц молодая писательница выказывает полное неудовлетворение святоотеческой экзегезой: то Златоуст не понимал, то это нелогично, то другое.

На с. 41 автор книги творчески реконструирует ситуацию, когда Иуде пришлось натерпеться от остальных апостолов, так как он единственный из Иудеи, а те – северяне, самовольно дополняя Писание святых Апостолов выдуманными событиями:

День за днем ему приходилось выслушивать от остальных учеников попреки и укоры. Это наш Учитель, это наши северные дела, чего ты, иудейское отродье, тут делаешь, это не твое место, и говор у тебя не тот, и одежда не та, и вообще – злишь ты безмерно уже одним своим присутствием. В общем, ученичество его начинается малопрятно.

Но Иуда очень хотел остаться. Хотел быть с Христом настолько, что был готов на такое испытание. Это, между прочим, характер: буду делать то, что считаю правильным, и ничто и никто меня с этого пути моего сердца (Ис. 57: 17) не собьет. (с.43)

Для чего это? Чтобы подготовить эмоциональный фундамент для будущего оправдания Иуды? Приводя цитаты святых отцов, нещадно их критикуя, иногда Дарья пишет: «На редкость правильное умозаключение». А что является критерием правильности? Собственное мнение автора книги?

В главе «Монеты за пазухой», Дарья снова отвергает толкование в рамках Предания, и формирует свое собственное. Там, где святые отцы говорят о страсти сребролюбия Иуды, Дарья пишет о нем как о хозяйственном, заботливом человеке, который всего лишь из страха оставить голодными Учителя и апостолов, проявлял не жадность, но бережливость. Тут, видимо, тоже Святой Дух открывает не святым отцам, но Дарье. И тут же снова «творчески» реконструируется, как, должно быть, трудно и невыносимо было Иуде, как ответственному за раздаяние милостыни ходившим за Христом нищим. И всё это для изображения того образа предателя, который необходим автору. Сивашенкова упрекает святоотеческую традицию, сомневается и отвергает ее, что по сути дела является хулой на Церковь, но сочинять от ветра головы своя ради поставленной цели считает допустимым. Вспомним грозное предостережение, написанное в книги Откровения: «*И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей; и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей*» (Отк.22:18-19). Это касается всего Священного Писания.

Святитель Игнатий, комментируя этот фрагмент, пишет:

«Книга Ведения Божия, начертанная и изданная Богом, к которой невозможно приложить ничего, из которой невозможно исключить ничего. Отсюда явствует, какой тяжкий грех – ересь. Она – возмущение и восстание твари против Творца, восстание и возмущение ничтожнейшего, ограниченнейшего существа – человека против всесовершенного Бога Она, – страшно сказать, – суд человека над Богом и осуждение человеком Бога. Она – грех ума, грех духа. Она – хула на Бога, вражда на Бога. Она – плод гордыни, этой причины падения падших ангелов. И последствия падения ею очень схожи с последствиями падения отверженных духов: она омрачает разум, ожесточает сердце, на самое тело разливает яд свой вводит в душу вечную смерть»

На с. 58, вспоминая сюжет с Ананией и Сапфирой, автор книги пишет:

Господь пресекает их гибель решительным способом: убивая тело, чтобы не дать сатане окончательно убить душу. Смерть в этом случае – милость Господня, а не наказание. Но эта милость стала возможна только после распятия и Воскресения, когда смерть перестала быть состоянием полной богооставленности, и, забрав у сатаны души Анании и Сапфиры, Господь поставил их перед Своим Судом. А это куда как более милостиво, чем оставить их во власти дьявола и дать им дойти до логического конца.

То есть, смерть супругов, по мнению Д. Сивашенковой, означает спасение? «Забрать у сатаны» - что означают эти слова? Анания и Сапфира умерли, не покаявшись в совершенном грехе. И, несмотря на это, их души были отняты у сатаны? Комментируя этот фрагмент, **святитель Иоанн Златоуст** увещевает нас быть внимательными, научаясь из поступка и наказания Анания и Сапфиры:

«Видели вы, что потерпели солгавшие? Отсюда поймите, чему подвергнутся и нарушающие клятвы, поймите и перестаньте. Кто клянется, тот не может не нарушать клятвы волею или неволею; а кто нарушает клятвы, тот не может спастись. Однократное нарушение клятвы может сделать все и навлечь на нас всецелое наказание. Поэтому, умоляю вас, будем внимательны к самим себе, чтобы, избегнув наказания здесь, удостоиться милости от Бога»

С. 60, завершение главы «Деньги и Деяния»:

Христос не допустит, чтобы ученика разрушал такой явный грех. Он не потерпит рядом с Собой вора, что бы на этот счет ни думали толкователи. Не ради Себя, а ради него.

Господь находился среди мытарей, блудников, в чем не раз Его упрекали фарисеи и книжники («Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками»,

Мф.9:11), но не потерпит рядом с Собой вора? Кроме того, бросается в глаза фраза «что бы ни думали толкователи». Легкой рукой Дарья отменяет не только толкования святых отцов, полагаясь на свое собственное мнение, но и само Священное Писание, в котором апостол Иоанн недвусмысленно пишет: «Сказал он [Иуда] это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор» (Ин. 12:6).

В следующей главе на с. 62 звучит пассаж:

Сдается мне, где-то здесь и произошел у них с Христом нелегкий разговор о том, как должно, а как не должно поступать казначею апостольской общины.

Но можем ли мы с такой легкостью, на свой лад, утверждать то, о чем нам доподлинное неизвестно? Читаем далее:

И вот представьте, что в один из этих дней Иисус подзывает Иуду к Себе и говорит: друг Мой, скоро Пасха, мы идем в Иерусалим, раздай нищим все деньги, которые у тебя есть. Все, и сбереженные тоже. Они нам больше не понадобятся. Да как же так, думает Иуда, опять Иерусалим, опять Учителю угодно сунуть голову льву в пасть... еще и раздай все? Да кто их знает, этих иудеев, братьев-соплеменников: вот сейчас точно нельзя оставаться без денег, а вдруг придется снова бежать!

И он... впервые откровенно не слушается Христа. Оставляет что-то про запас, а Ему лжет, что раздал все – авось не до этого сейчас Учителю, пронесет. Или просто молчит, извиняя себя: потом раздам, никуда нищие не денутся, а мне так спокойнее будет.

Впервые за все три года. И оправдание у него убедительнее некуда: на кону жизнь Учителя. (с. 63)

И вот вновь богодухновенные слова апостола Иоанна автор подвергает сомнению, зато вкладывать мотивы поступка Иуды, который сама же и выдумывает.

А Христос ему прямо говорит: что ты творишь? ты берешь деньги у тех, кому они нужнее, и лжешь Мне.

Простите, но где это сказано? Зачем сочинять то, что нет ни в Писании, ни в Предании? «Поэтому мне сейчас и приходится все это додумывать». Для того, чтобы сформировать для Иуды алиби?

Так же и на с. 68 читаем сочинение «евангельских» событий:

Да не о деньгах, прошедших мимо кассы, он досадует! Это откровенное хамство в лицо Христу. Что же Ты учишь все нищим раздавать, меня пробрал и одернул за то, что я для них денег жалею, а Сам позволяешь лить Себе на ноги дорожащее миро?

Упорное сопротивление переданному апостолом Иоанном.

Хотя далее Дарья пишет следующее:

«Но все-таки первый и единственный раз, когда он утаил деньги от Христа, это действительно было воровством, и, следовательно, Иоанн говорит чистую правду»

Подумать, она спорит с ап. Иоанном или соглашается? Непонятно.

На странице с. 75 читаем:

У толкователей тут, безусловно, возникает искушение представить дело так, будто Иуда изначально не верил в Иисуса как в Христа и Господа, и это прямо про него и сказано.

Слова о том, что у святых отцов «возникает искушение представить» что-то, звучат как обвинение толкователей в наговоре, клевете. Но разве через них говорит не Святой Дух?

Но напомним: перед избранием апостолов Иисус ночь провел в молитве-разговоре с Отцом, поэтому невозможно сказать, что кого-то из Двенадцати Он избрал вне Его воли или кому-то из Двенадцати не дано было от Отца прийти к Нему.

Можно подумать, что если бы Христос не провел ночь в молитве, то мог бы избрать вне воли Отца, то есть, против Своей же. Иисусу Христу не было нужды выяснять волю Отца, поскольку воля Отца и Сына одна, так как Вторая Ипостась Единосушна Отцу, а значит, имеет одну Божественную природу, а значит и одну волю. Считать иначе – лишать Христа Божественного достоинства.

На с. 78 читаем:

Выходит, Иисус, почему-то не решаясь сказать Своему апостолу «до свидания» самостоятельно, но мысленно уже вычеркнув его за что-то из учеников, ждет, пока тот сам уйдет, и настойчиво ему намекает: сначала причислив его к неверующим, потом спросив «не хотите ли и вы отойти?» –

подразумеваю конкретно Иуду. А тот, смотрите-ка, не уходит и вообще, кажется, не понимает, о чем речь. Удивительно. Может, он просто не хотел уходить от Христа, веровал в Него и не чувствовал за собой никакой вины, как вам такая версия?

Неудачная версия. По этим рассуждениям выходит, что Иисус Христос и не Бог вовсе, не единосущен Отцу, раз не знает, что в человеке - в Иуде, ошибался насчет него.

Читаем далее:

Какой смысл обличать то, чего в голове еще нет? Как можно прикрывать преступление, которое еще даже не замыслено?

Выходит, что Господу было неизвестно, что в голове замысла еще нет, а Дарье открыто?

Иисус не ученика - обличает – его еще пока не в чем обличать.

Получается, что Священное Предание ошибается насчет Иуды и слов Христа, что просвещенные Духом Святым святые отцы чего-то не понимали, а вот тут автор книги точно знает.

В главе «Пародия сатаны» Д. Сивашенкова говорит о том, что в предательстве Иудой Иисуса Христа «не было никакого человеческого расчета», что это было «просто убийство ради убийства, внушенное сатаной».

Священное Предание же говорит нам о другом.

Блаженный Феофилакт Болгарский пишет:

«Иуда, будучи сребролюбивым, думал, что и серебро он приобретет, продав Христа, и Христос не будет умерщвлен, но избегнет иудеев, как часто избегал. Теперь же, увидев, что Он осужден и приговорен к смерти, раскаялся, потому что дело вышло не так, как он предполагал». Святитель Филарет (Гумилевский): «По последнему раскаянию Иуды видно, что жадно желая воспользоваться сребренниками, он не смотрел на последствия своего поступка или же отклонял мысли о них, думая о том, что Учитель его найдет средства избавиться от рук Синедриона, как избавлялся не раз».

Со страницы 123 начинается идея о «тройном соседстве» в Иуде Христа и сатаны. Рассказывая о мнении святых отцов, считавших, что этот ученик причастился, автор пишет, что сама идея соседства Христа и сатаны в человеке после Причастия недопустима, и поэтому святые отцы, как бы подгоняют богословие.

Признавая истинность слов Христа о том, что в причастии Он соединяется с человеком, а человек с Ним, нам придется признать, что это касается и Иуды в случае его причащения. При этом в теснейшем соединении чуть позже Искарriot находится и с сатаной, а вот такое тройное соседство представлять уже совершенно тошно. Сильно подозреваю, что богословов чуть не в прямом смысле слова тошнило от этой мысли, поэтому и мнение: «Иуда не причащался, этого не может быть, потому что не может быть никогда», было настолько популярно начиная от первых веков и практически возобладало в позднейших толкованиях Писания.

Священное Предание свидетельствует о том, Иуда причастился в осуждение, о том, что сатана вошел в него после Причастия. Толкуя следующий фрагмент Евангелия - «Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее» (Ин 13:25-27), - **святитель Иоанн Златоуст пишет:**

«Но кого бы не привлекло и то, что он принял от Христа хлеба? Но его не привлекло. Потому-то и «вошел тогда в него сатана», посмеявшись над его бесстыдством. Пока он был в лике (апостолов), сатана не смел войти в него, но извне нападал на него; а когда (Христос) обнаружил его и отлучил, тогда уже безбоязненно вошел в него. Так как он был столько развращен и неисправим, то его не следовало долго держать в лике. Потому-то Христос наконец и изверг его; а когда он был извержен, тогда овладел им сатана и он, оставив собрание, вышел ночью».

О Причащении Иуды на Тайной Вечери:

Было ли это «в суд и осуждение», как традиционно принято говорить и писать теми, кто все-таки считает его причастившимся: мол, приняв недостойно Тело и Кровь Христову, он принял их себе на погибель? Ни в коем случае... (с. 126)»

«Если бы причастие Иуды было в суд и осуждение, то этими словами («Пейте от нее все» - прим. наше) Христос загнал бы его в ловушку погибели: причаститься – грех, однако и не исполнить Его слова, воспротивиться Его ясно выраженной воле – тоже грех» (с. 127)

Из этого отрывка следует, будто нераскаянные грешники тоже должны причащаться, иначе они ослушаются Христа «пейте от нее все».

Однако, святые отцы пишут, что к Таинству Причастия необходимо подходить с покаянием. Как бы ни было для нас необходимо Причащение Тела и Крови Христовых, оно не может иметь места, если не предшествует ему покаяние.

Готовящимся подойти к Чаше для принятия святых Тайн **свт. Иоанн Златоуст** говорил:

«Приступим все с надлежащим любомудрием и вниманием; и никто пусть не будет Иудею, никто пусть не будет злым, никто пусть не скрывает в себе яда, нося одно на устах, а другое в уме. Предстоит Христос... Никто пусть не будет коварным, никто пусть не питает злобы, никто пусть не имеет яда в душе, чтобы не причащаться во осуждение... Итак, никто пусть имеет внутри себя порочных помыслов, но очистим ум; ибо мы приступаем к чистой жертве; сделаем душу свою святою

...если бы кто оказался столь дерзким и бесстыдным, что с скверными устами и нечистою душою, без покаяния, решил подойти к принятию Пречистых Тайн Христовых, тому, кто бы он ни был, должен запретить приобщающий священник, если ему известно нечестие приступающего.

если вы пожелаете приобщиться этого святого приношения, то за несколько дней должны очищать себя покаянием, молитвою, милостынею и занятием духовными предметами, и не возвращаться назад, как пес на свою блевотину (2 Петр. II, 22)»

А преподобный Симеон Новый Богослов, перечисляя пять классов людей, которым воспрещается от святых отцов приступать ко Святому Причастию, называет: те, у которых еще не созрел плод покаяния, то есть которые не дошли еще до решимости посвятить Богу всю жизнь свою и жить прочее во Христе жизнью чистою и безукоризненною.

На с.154 читаем:

И это невероятное испытание для человечества Христа. Оскорбить Его сильнее, сделать больнее, ударить незаслуженной, наверное, невозможно...

Это четвертое искушение – искушение праведной мстью.

Как и предыдущие три, оно совершенно логично и естественно для человеческой природы.

Здесь словно некий намек на то, что внутри Иисуса Христа были некие борения с искушениями. Но тогда это криптнесторианство, намекающее на то, что кроме Второй Ипостаси Троицы во Христе еще есть некая человеческая личность, которая преодолевает искушения.

Описывая поцелуй Иуды в Гефсимании, Сивашенкова предпринимает целую серию манипуляций со словами Спасителя, обращенными к Иуде, чтобы сделать из них такое невероятное заключение:

«Но Иисус набрасывает на него Свою любовь, словно край плаща. В беспредельном терпении покрывает даже это. Иуда будет жить. А сатана остается ни с чем» (с. 167).

Автор, уцепившись за слово «друг», из него развивает удивительную версию о «набрасывании» любви Господом на Иуду. Да, в Мф.28:50 слово «друг» по-гречески звучит «εταίρε», но и оно же использовано в притче о брачном пире.

и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал.

Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов (Мф.22:12-13)

И вот этот же фрагмент на греческом:

*καὶ λέγει αὐτῷ **εταίρε** πῶς εἰσῆλθες ὧδε μὴ ἔχων ἔνδυμα γάμου ὁ δὲ ἐφίμωθη*

τότε ὁ βασιλεὺς εἶπεν τοῖς διακόνοις δῆσαντες αὐτοῦ πόδας καὶ χεῖρας ἐκβάλετε αὐτὸν εἰς τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον ἐκεῖ ἔσται ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων

Назвал другом и приказал связать и выбросить во тьму кромешную. Фрагмент, комментируемый Сивашенковой, означает не то, что Иуда будет жить. Этими действиями Господь еще и еще раз показывает свою любовь ко всем, даже ко грешникам. А поэтому, нет оправданий для тех, кто, видя эту любовь, тем не менее, отлучает себя от Господа.

В главе «Рухнувший мир» автор описывает душевные переживания Иуды о том, что он предал Учителя, Друга, Бога.

Преподобный Ефрем Сирин пишет:

«Он [Иуда] так размышлял в себе: “Освобожусь от множества порицаний и скроюсь от беславия”, - и таким образом, отбросив удила, как будто бы ему ничего не оставалось по переходе из этого мира, он накинул на себя петлю и умер».

В главе «Куда ему идти?» Д. Сивашенкова снова упрекает святых отцов, толковавших историю Иуды, на этот раз в том, что они, дескать, требуют невозможного от Иуды. Что тот, вместо того, чтобы прибегнуть ко Христу, чтобы умолять Его, покончил с жизнью. Само по себе такое отношение к Священному Преданию для православного выглядит странным. Но так ли невозможно было покаяние для Иуды? Упрек заключается в том, что Иуда Евангелие не читал и катехизис не изучал, поэтому и не покаялся. Но это в общем протестантский подход – брать во внимание только Писание. Иуда ходил со Христом 3 года и, как и все, слышал слова *«приходящего ко Мне не изгоню вон (Ин 6:37)»*. Иуда сомневался в милосердии Господа, обратился не к Нему, а к себе. Преподобный Иустин Попович пишет: *«Каяться перед собой не есть покаяние, ибо человек не может себя освободить от греха, себе простить грех, отпустить себе грех. Эту власть и силу имеет только Бог, Сын Божий».*

Автор пишет:

Да даже если бы знал – неужели пошел бы на Голгофу прощение выпрашивать? С руками по локоть в Его крови? На глаза Христу после Гефсимании показаться? Самому на Него глаза поднять, обратиться к Нему? И с чем? Вот с этим? (с. 179)

Но что это, как не сомнение в милости Божией? Но оправдание поступка Иуды в его сомнениях в том, что Господь простит, не послужит ли смущением для читателя? Мало ли среди нас тех, кто в той или иной степени предаёт Христа и Его заповеди? Мало ли тех, кто испытывает сходные душевные переживания и уже близок к тому, чтобы спросить себя: «А простит ли меня Господь?» И тут он читает книгу, в которой ему говорят, что покаяться - хуже удавки, что покаяться не может. И шаблоны оправдания тоже есть: «мой грех вон какой великий, как я могу прийти к Богу и просить о прощении?». Дарья сравнивает степень вины Иуды и Петра, как будто от этого зависит прощение? А оно зависит от нашего искреннего раскаяния, изменения ума и исправления жизни. В связи с этим довольно странно звучат слова несколькими страницами выше: *«Раскаялся ты или не раскаялся, весь грех остается на тебе, и последствия ты понесешь в полной мере».*

Глава «Молитва его да будет во грех». Удивительно, что приводя слова преподобного Феодорота Студита о том, что «нет невозможности раскаяться и к Богу обратиться даже и дошедшему до последнего предела зла», Д.Сивашенкова далее говорит о том, что для Иуды Христос недостижим.

На стр. 183 читаем:

Но невозможно просить за себя Того, Кого ты убил, и плакать о себе Богу, убив Бога. Если только Сам Господь не протянет тебе руки, желая твоего спасения вопреки всему и ободряя тебя раньше, чем осмелишься попросить.

Дело в том, что Он уже руки протянул. Об этом можно прочитать у пророка Иезекииля: «Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез.33:11).

Нет у вас возможности личной встречи, не может Иисус тебя обнять, а ты – разрыдаться у Него на плече. Скажем мягко: упустил ты эту возможность. У них больше нет возможности поговорить вдвоем.

Но ведь апостолы исповедовали Иисуса Христа Богом! Разве Ему необходимо выполнять какие-то физические действия, чтобы являть Свою милость?

У Иисуса нет возможности донести до Своего ученика, что и в таком грехе Он его любит, прощает и считает Своим. Он не имеет возможности восстановить его после такого падения, а больше это сделать некому.

Как же так? Разве не сказал Христос: «Богу все возможно» (Мф 19:26)? Или же автор книги не считает Христа Богом?

В силу тяжести греха покаяние как мольба к Богу для Иуды недостижимо... ну, не посмеешь ты из такого греха первый сделать шаг к Нему, припасть на колени и просить о себе. И чем больше хочешь – тем вернее не посмеешь.

Очень опасная фраза! С крайне тяжелыми для духовной жизни последствиями и выводами! Это значит, что человек сам себя здесь, на земле, когда еще, по словам святых отцов, нам дается шанс для трудов над собой, закрывает себя от Бога и возможности покаяния, сомневаясь в милости Божией.

Просьба Иуды за себя стала бы свидетельством недостаточного раскаяния. Такая просьба содержит хотя бы исчезающую надежду, что в тебе есть нечто, подлежащее спасению, не окончательно погибшее, способное к соединению с Богом. Нечто, что больше твоего преступления и может преклонить к тебе милость Божью. Что-то в тебе, о чем ты можешь просить, ради чего Бог

может тебя помиловать и спасти, невзирая на то, что ты Его сознательно убил.

Молитва, просьба к Богу о помиловании, является свидетельством недостаточного раскаяния?! Между тем, в каждом из нас есть то, что подлежит спасению. Будучи созданным по образу и подобию Бога, человек имеет в себе это что-то, «подлежащее спасению». Думать, что в тебе нет ничего, способного преклонить милость Божию, означает сомневаться в Боге и Его милосердии. Что это, как ни хула? Вот, что говорит Сам Господь: «Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю» (Ис. 1: 18), а в Новом Завете Он четко обозначил, что «пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию» (Мф. 9: 13).

Вот, что пишут святые отцы:

Святитель Тихон Задонский:

«Согрешивший не должен отчаиваться, а тотчас обратиться и прибегнуть к милостивому Ходатаю Иисусу Христу, признать грех свой со смирением и просить у Него прощения и милости, чтобы опять принял в общество верных Своих. Ибо не истожились щедроты Его и кающимся и стучащим двери милосердия Его открываются».

Преподобный Ефрем Сирин:

«Дверь Божия всегда отверста ударяющему в нее; милосердие радуется обращающемуся, благодать простирает к нему руки свои»

Святитель Иоанн Златоуст:

«Не помышляй о множестве твоих грехов, но смотри на бесконечную благодать Божию»

Мысли о том, что Бог не простит, внушаются дьявольскими силами. Обратимся к чистому вероучительному источнику – Священному Преданию.

Преподобный Нил Синайский:

«Согрешить - дело человеческое, отчаяться же - сатанинское и губительное; и сам диавол отчаянием низвергнут в погибель, ибо не захотел покаяться»

Преподобный Иоанн Лествичник:

«Нет ничего равного милости Божией, нет ничего больше ее. Поэтому отчаявшийся сам себя губит»

Святитель Тихон Задонский:

«Помыслы смутные и влекущие в отчаяние приходят от диавола, который хочет нас ввергнуть в полное отчаяние, погубить, поскольку отчаяние - тонкий грех»

Ты должен самостоятельно оценить свою душу выше Его жизни.

Выходит, что каждый кающийся православный – это человек, который оценил свою душу выше жизни Христа?

Ты весь – меньше твоего греха и не можешь разделить с ним, чтобы просить прощения, просить за себя. Отрекаясь от такого греха, ты должен отречься от всего себя. Раскаяние – убийство той части в себе, что оказалась способна на грех; но в твоём случае не часть, это весь человек, вся душа. Нечего спасать, не о чем молиться.

Это абсолютно противоречит аскетическому учению Святой Матери Церкви, четко разделяющей человека от греха. И как Мать, Церковь с любовью говорит: «ненавидь грех, но люби грешника».

А далее читаем у Д. Сивашенковой: «Обреки себя на смерть». Вот так. Самоубийство как свидетельство искренности раскаяния. «В собственных глазах – он для Небес больше не существует» - то есть, принял на себя роль Судьи и Распорядителя. Но кто как Бог?

В главе «На острие ножа» читаем:

Большинство из нас привыкло воспринимать евангельский текст как художественное произведение, хотя исповедуем мы, конечно, совершенно другое отношение.

Несколько странно такое читать от представителя «художественного богословия».

С. 194: «Насчет того, что не раскаялся, – в Евангелии написано прямо обратное!». Если обратимся к греческому оригиналу, то в отношении раскаяния Иуды используется слово «μεταμεληθεὶς», которое означает сожаление, не более. А покаяние, к чему призывал Господь, а до него Предтеча – это «μετανοεῖτε», что означает изменение ума, мировоззрения. Иуда не поменял мировоззрения, он сожалел, но в этом сожалении так и не сменил отчаяние на упование на милосердие Божие. Он сам себе судья.

На с. 197 читаем:

Словами «согрешил я, предав кровь невинную» Иуда свидетельствует о невинности Иисуса. Замечу: это единственный из апостолов, который объявил невинность Христа перед властями

Согласно Сивашенковой, и уже после предательства Иуда положительно выделяется среди других апостолов!

Отсутствие каких-либо диалогов в Евангелии не дает право додумывать их. Как мы можем знать, что никто из других апостолов этого не говорил? Используя метод Д.Сивашенковой, можно сказать, что угодно. Например, что любил Христа только Петр, другие этого не говорили, и что Сыном Божиим Его исповедовал только Петр.

Далее читаем такие рассуждения:

Иуда попросту предлагает себя на казнь вместо Христа. Прямым текстом. С петлей на шее пришел, считай – напе, вешайте, только Его отпустите.

Далее Дарья откровенно выступает против Священного Предания, говоря «и после этого толкователи уверяют, что Иуда не раскаялся», называя святоотеческие толкования «альтернативным картиной»! И это противопоставление своего мнения Преданию доходит до неприличия и хамства.

Ранее автор книги упрекала святого апостола Иоанна, говорившего о сребролюбии Иуды, но далее сама же пишет:

Конечно, Иуда надеялся, что своим признанием и Христа спасет, и себя обречет на смертную казнь, потому что жить невозможно.

То есть, апостол Иоанн, живший и общавшийся с Иудой «додумывал», а вот Дарье чаяния предателя известны. Это что? Личное откровение? То, в чем Сивашенкова упрекает профессора Лопухина - «Лопухин, как обычно, пронизает время и пространство: и куда ушел, и на чем повесился, и один ли был или в компании какой» (с. 204), - в своей книге не замечает. А ведь она пронизает время и пространство куда более дерзновенно и... «художественно».

Ниже на с.207-208 читаем следующие строки:

Из бегства в смерть и спасения себя от боли самоубийство превращается в законную казнь лжесвидетеля, логично продолжающую его желание исполнить Закон. Попытка спасти Христа ценой своей жизни сорвалась. Но теперь можно

хотя бы самостоятельно исполнить заповедь о себе. В Торе четко прописано, что делать с телами тех, кто проклят, осужден и казнен. Самоубийство по Закону.

Сивашенкова продолжает оправдание и даже какое-то восхваление Иудина самоубийства. Утверждает, что самоубийство Иуды оправдано Ветхим Законом на основании того, что в некоторых случаях вроде бы убийство себя в наказание за грех одобряется в Талмуде, а Иуда, мол, был еще не новозаветный, жил по Ветхому закону. Но, во-первых, Сивашенкова противоречит себе, ведь она постоянно подчеркивает, что Иуда все три года был усердным и ревностным слушателем проповеди и наставлений Спасителя. А во-вторых, талмудическое толкование Закона, «предания старцев» Христос как раз постоянно и обличает. Если Иуда поступил по толкованиям фарисеев и законников, то это нисколько не служит ему в оправдание, ведь они оправдывали и самих себя, совершая Богоубийство. Их извращенная, прямо сатанинская логика вполне обосновывала и это, страшнейшее в истории человечества преступление.

Далее, цитируя известное место из книги Второзакония о том, что проклят всякий висящий на древе, автор обвиняет уже апостола Павла, ученого, фарисея в перетолковании. Мало было апостола Иоанна, еще и за Павла нужно взяться. Читаем (с.208):

Эту цитату в христианской традиции относят к распятию Христа – мол, это Его смерть была «проклятой», поскольку Он был повешен на древе-кресте, Он за нас принял на Себя проклятие Закона. Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою, ибо написано: проклят всяк, повешенный на древе (Гал. 3: 13). Но это уже позднейшие толкования и переосмысления.

Здесь же пугающие слова: «У Иуды просто выбора нет. Ему приходится стать и преступником, и палачом. И проклятым, и карающим проклятого.

И это совершенно законно.

Но в Ветхом завете нет никаких прецедентов, подтверждающих такую законность! Разве это не «предания старцев»?

Следующий отрывок предлагаем прочесть целиком (с.209-210).

Его самоубийство – не грех. Это не богоборчество и не гордое или отчаянное отвержение милости Божьей, не бегство в петлю от Христа и даже не

действие дьявола, как принято представлять его суицид в традиционных толкованиях. «...что сам на себя надел петлю – это грех непростительный, это дело злого демона...» (Златоуст). «Ему следовало прибегнуть к милосердному Христу, а он прибегает к смерти, чтобы скорее освободиться от печальной и отчаянной жизни...» (Зигабен). Да, это типично христианский взгляд на произошедшее, основой которого является убеждение, что ни одно самоубийство грешника не может найти себе оправдания, а уж тем более – этого грешника. Но с точки зрения современных Иуде заповедей и религиозно-этических взглядов он не совершает никакого порицаемого или греховного деяния... Тем не менее «в раввинистической литературе есть примеры самоубийства как наказания самого себя за тяжкие проступки [...] Законоучители Талмуда не осуждают подобное самоубийство». То есть, согласно иудейским представлениям, преступник имеет моральное и религиозное право на самосуд и казнь от собственной руки... И он поступает в рамках ведомого ему Закона Божьего. Удержавшись от самоубийства из отчаяния и боли, Искарриот казнит себя как преступника и тем исполняет Закон в доступной ему полноте. Да, это совпадает с его собственным невыносимым желанием умереть, но такое совпадение неосуждаемо. В этом ему повезло

В этом отрывке Д. Сивашенкова: 1) в очередной раз отмахивается от Священного Предания как альтернативного мнения, выставляя себя и свое понимание верным; 2) оправдывает поступок Иуды через предание старцев, которое осуждал Христос; 3) обеляет суицид, открывает или продолжает расширять окно Овертона относительно того, что суицид – это нормально. А далее следует жуткий гимн иудиному самоубийству (с. 212):

Иуда судит себя по Закону, он осуждает себя на смерть за преступление, которое сознает в себе, и не пытается выкрутиться, пойдя на сделку с совестью или ухватившись за презрительно брошенную ему «помиловку», потому что жить он не хочет. И он сейчас все делает правильно что с юридической, что с богословской точки зрения. Раскаяние в его грехе сопряжено со смертью, остаться жить нельзя – это было бы свидетельством недостаточно полного раскаяния.

Это повторено на 240-й странице.

Далее Д. Сивашенкова то говорит о том, что поступок Иуды не связан с мессианскими расчетами, то говорит о виновности Иуды по Закону безотносительно того, жив Иисус Христос или нет. Как же Иуда, будучи прилежным учеником, мог забыть о словах Господа о грядущем распятии,

которые были сказаны не однократно? Как же он не помнит о том, как Господь учил, говоря о соблюдении Закона, что «суббота для человека, а не человек для субботы»? При нем же Господь говорил о двух главнейших заповедях.

Еще (с.212):

Пусть даже Иисус каким-то чудом останется жив; Иуда знает, что он убил Христа внутри себя, желал Его смерти и все для нее сделал. Гипотетическое спасение Христа от казни ничего не меняет. Пусть Он останется жив – к Нему все равно уже никогда не подойти.

Что это, как не отчаяние, как не крайнее состояние – Бог меня не простит, а поэтому самоубийство оправдано и не является грехом? Можно ли вкладывать такие мысли в головы читателей?

В главе «Тридцать три версии» на с.226, приведя рассказ ученика Иоанна Богослова по имени Папий, Сивашенкова отвергает его, ссылаясь на Евсевия Кесарийского, неканонизированного епископа, которому она больше верит. И далее по тексту приводит комментарии святых отцов, сопровождая их хамскими комментариями: «Порой толкователи пытаются вместо Искарриота удавить логику», «А такая удивительная психическая лабильность – это вообще нормально?»

В главе «Да не будет сострадающего ему» автор, вопреки Священному Преданию Святой Церкви, снова твердит о том, что Иуда всё-таки покаялся. Только Писание и свой собственный разум – это методика толкования Священного Текста. Только Писание, «solo scriptura» - это принцип протестантского обращения с Библией. Святой Дух через Святых Отцов и богослужебные тексты (см. ниже) однозначно говорит об отсутствии покаяния Иуды, но, нет, Дарья Сивашенкова не считает необходимым смиряться перед Церковью.

Читаем далее на с. 252:

«Что бы он (Иуда- прим.наше) сам по этому поводу на тот момент ни думал, как бы ни сопрягал свою волю с волей сатаны – слово Христа нерушимо: кто будет пить Мою Кровь и есть Мою Плоть, тот во Мне пребудет и Я в нем. И с этим даже тандем Искарриота с сатаной ничего поделат не может... Потому что «пребудет во Мне и Я в нем... Я с ним (Иудой – прим.). А он со Мной.

Раз Д. Сивашенкова затрагивает помыслы Иуды на момент Причастия Святых Христовых Таинств, обратимся к **свт. Иоанну Златоусту**: «Сколько велико и чудно это таинство, – говорит св. Златоуст о Таинстве Евхаристии, – сколько же верно и то, что, если приступишь к нему с чистотою, приступишь во спасение, если же с совестью лукавою, – в наказание и мучение. ядый бо, сказано, и пияй Господа недостойне, суд себе яст и пиет (1Кор. 11, 29)»

“Никто не должен принимать Дары подобно Иуде, дабы не потерпеть участи Иуды. Сие собрание верующих есть также тело Христово. Поэтому ты, служитель Таинств, смотри, чтобы тебе не раздражить Владыку, если не будешь очищать сие тело, – чтобы не дать меча вместо пищи.”

“Как распявшие Иисуса, – говорит свт. Иоанн, – так и недостойно приобщающиеся Тайн понесут наказание”

Приступать к св. Причастию следует всегда предварительно подготовившись, с искренним раскаянием в своих грехах и с чистою совестью, а иначе, без покаянного чувства и очищения собственного сердца лучше не дерзать приступать никогда.

Далее

«В конце концов Он причащает его нераскаянного, и это какая-то предельная мера, то, что мог сделать лишь Он Сам, исключительно Своей волей: Я хочу спасти, чего бы Мне это ни стоило. И платит Он невероятную цену. Причастием принимает в Себя человека с его грехом богоубийства»

И на с. 254:

«Соседство Христа с сатаной в одном человеке, да еще когда человек добровольно сопряжен с сатаной, а не с Ним – какое это запредельное унижение для Бога, какое полное забвение Себя! И ради кого?.. убийцы Своего... но душа человеческая Ему дороже. И это унижение становится Его великой славой, потому что Он побеждает. Он это знает заранее. Он об этом говорит»

Фрагмент очень напоминает описание мессалианской ереси в трудах **преподобного Иоанна Дамаскина**, который так передает одно из положений этого учения:

«Сатана и Дух Святой сообитают в человеке, а даже апостолы не были чисты от действия одержимости».

Но вернемся к книге. В толкованиях святых отцов мы видим напротив, что Иуда принял Причастие в осуждение, не принял Христа, и после этого вошел в него сатана.

Дьявол, по словам **свт. И. Златоуста**, особенно нападает на приступающих ко св. Причащению без страха и благоговения и часто вселяется в них, как он вошел в сердце Иуды во время Тайной вечери.

Беседуя о предательстве Иуды и последней пасхальной вечери Спасителя, святитель замечает:

«Тогда, после принятия предложенного, в Иуду вошел дьявол, презрев не Тело Господне, но презрев Иуду за его бесстыдство, дабы ты знал, что на тех, которые недостойно причащаются Божественных тайн, особенно нападает и часто вселяется в них дьявол, как и тогда в Иуду. Ибо почести приносят пользу достойным, а недостойно пользующихся ими подвергают большому наказанию»

Блаж. Феофилакт Болгарский:

«Доколе Иуда считался одним из учеников и членов святого лика, доколе сатана не имел к нему такого доступа. Когда же Господь отделил его и отлучил от прочих учеников, объявив его чрез хлеб, тогда сатана овладел им, как оставленным от Господа и отлученным от божественного лика. «Сатана вошел в него», то есть проник в глубину его сердца и овладел его душой. Ибо сатана прежде напал на Иуду извне, страстью сребролюбия, а теперь совершенно овладел им, внушив ему предательство. Иисус говорит Иуде: «что делаешь, делай скорее». Сим Господь не побуждает Иуду к предательству, но как бы укоряет его в том, что он идет на предательство»

Также из этого отрывка выходит, якобы Христос спасает и нераскаянных грешников, что является ересью. Живи, как хочешь, заповеди не соблюдай. Как говорил Г.Гейне: «Бог меня простит, это его ремесло!» А также, утверждается, что нераскаянные грешники прощены и спасены посредством Причастия, однако грехи отпускаются в Таинстве исповеди.

Вот как говорит свт. Феофана Затворник:

«Вся благодать, идущая от Бога через святой Крест, ... мощи, освященный хлеб, включая Святейшее Причастие Тела и Крови Христовых, имеет силу лишь для тех, кто достоин этой благодати через покаянные молитвы, покаяние, смирение, служение людям, дела милосердия и проявление других добродетелей христианских. Но если нет их, то эта благодать не спасет, она не действует автоматически, как талисман, и бесполезна для нечестивых и мнимых христиан»

Чуть раньше есть такой фрагмент:

«Первым из рук Христа и Его прямой волей причащается тот, кто желает Его убить. Это в буквальном смысле слова первый грех, который Христос берет на Себя. И Своей любовью преодолевает этот невероятный грех для того, чтобы прикрыть грешника, сочетается с Собственной смертью, чтобы не оставить человека наедине с этим преступлением»

Из этого отрывка следует, что Христос берет на себя нераскаянный грех в момент Причастия, однако, Господь берет грех мира позднее, на кресте. При этом грехи не прощаются автоматически, крестная жертва даёт возможность именно раскаявшимся грешникам соединиться с Богом. И воля человека заключается в выборе раскаяться, чтобы стать ближе к Богу или оставаться с нераскаянным грехом и отвернуться от Бога, даже принимая Тело и Кровь Господню.

Продолжаем читать далее (254-255):

«И ради кого?.. убийцы Своего... но душа человеческая Ему дороже. И это унижение становится Его великой славой, потому что Он побеждает. Он это знает заранее. Он об этом говорит. Когда он вышел, Иисус сказал: ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем. Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его (Ин. 13: 31, 32). И имя Искарота вновь обретает в Нем свое подлинное значение: это прославление Бога. Христос, принося Себя в жертву, побеждает и прославляется в нем – и из воплощения предательства и богохульства Иуды становится воплощением Его славы и Его победы над сатаной»

Д. Сивашенкова доходит до кощунства на грани уже богохульства. Последние слова, как особо важные, выделены самой Сивашенковой жирным шрифтом! Слова Спасителя на Тайной Вечери, произнесенные после ухода Иуды, о прославлении Отца в Сыне, в Нём с большой буквы, Сивашенкова относит к предателю, к тому, кого богослужения Страстной Седмицы именуют «проклятейший сатано»! Она утверждает, что Бог «прославляется в нем», в Иуде. А самого Иуду именует «воплощением Его славы и Его победы над сатаной»!

А что же говорят святые отцы, которые автору не указ и не авторитет?

Блаженный Августин:

«И вот, Господь использует слова Ныне прославился Сын Человеческий для того, чтобы указать, что окончательное отделение от нечестивца и нахождение среди святых является предвосхищением Его прославления, когда порочные люди будут отделены и Он вечно будет пребывать со Своими святыми»

Свт. Иоанн Златоуст:

«Этим Он ободряет поверженные в уныние души учеников и убеждает не только не сетовать, но даже радоваться. По этой-то причине Он и Петру еще прежде сделал упрек. Быть преданным смерти и победить смерть – это действительно великая слава»

Свт. Кирилл Александрийский:

«Чрез это обозначает спасительное страдание, как уже стоящее при дверях и имеющее быть вскоре»

Свт. Филарет Гумилевский:

«Теперь, когда смерть Христа Господа решена решимостью предателя, прославился Сын человеческий».

Слава Богу, толкования святых отцов сейчас доступны любому человеку. Так что можно всегда черпать из сокровищницы Священного Предания, руководствуясь в понимании Писания Святым Духом, а не измышлениями человеческими.

Также на 255-й странице такой текст:

«Иуда становится воплощением Его славы и Его победы над сатаной. Именно поэтому Он (Христос) называет его (Иуду – прим.) в Гефсимании по имени. Иуда, поцелуем предаешь Сына Человеческого (Лк. 22: 48). И в этой фразе важна буквально каждая буква. В ней нет никаких подвохов грамматики или двусмысленности слов, потому что обращена она не к врагу. Она проста и предельно значима. Ныне же так говорит Господь...: не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой (Ис. 43: 1). Да, Иуда погиб, да, Христос свидетельствует это на Тайной Вечере. Но... ..Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее (Мф. 18: 11). Называние по имени – беспредельное милосердие к грешнику и однозначно сказанное сатане: он Мой, потому что он во Мне, а Я – в нем. Ни жизни его тебе не отдам, ни души»

Кроме того, в этих словах мы снова видим мысль о совместном пребывании в Иуде сатаны и Христа. О чем мы уже говорили. Но, помимо этого, предание буквам и сочетаниям значения в каббалистическом духе.

Кроме того, здесь же читаем: *«Ни жизни его тебе не отдам, ни души»*. Тут одно из двух: или Христос не сдержал слово, или Сивашенкова считает, что

жизнь и душа Иуды действительно не отдана сатане, и он спасен. И так, и так плохо.

На страницах 256-257 читаем вот что:

«Иисус ни разу не называет его предателем. Не определяет Иуду через его грех. «Предающий Меня...», «один из вас предаст Меня...» или, язык сломаешь, «человек, которым Сын Человеческий предается...». Предатель – проще и логичнее. И чистая правда. Нет, ни разу не назовет. Потому что Ты Мой, и ты – это не твой грех. Потому что Я в тебе, и ты во Мне. И в такой близости Христос ближе любого греха. Даже греха собственного убийства. Это окончательное разрушение сатанинского замысла. Иуда не просто не отдан сатане на расправу. Он еще спасен и от слияния со своим грехом. В тот же миг, как ты выдал Его палачам на казнь, Он тебя от казни помиловал и Собой от палача закрыл. И палачу остается лишь бессильно отойти, потому что между ним и душой встает Христос, да и душа Иуды с этой минуты расторгнута со своим грехом. Душа, с которой соединен Христос, которую Он Сам принял в Себя, хотя, наверное, Ему это было все равно что раскаленный кусок железа к груди приложить, не будет разрушена грехом, и не станет грехом, и не будет сопричислена к адским духам без надежды на раскаяние. С этого мига Иуда больше не воплощенное богохульство, не духовный мертвец, а живой человек, образ Божий, согрешивший страшно, но сохранивший милостью Христа и жизнь, и свободу души. С этого мига он получает шанс на раскаяние. Шанс. Не более. Но и не менее»

Зачем эти изыски? Сивашенкова вновь «художественно богословствует» о встрече Спасителя с Искарриотом в Гефсимании, в этом пассаже всё: и грядущее спасение Иуды, и то, что Христос якобы в Иуде, и Иуда в Нём, и якобы близость Христа к Иуде даже в самоубийстве (!), близость, превосходящая это самоубийство, и «отделение» Иуды от его греха Христом, и то, что якобы душу Иуды Христос «принял в Себя», и будто бы то, что Христос закрыл Собою Иуду от дьявола и проч.

Еще удивительно, как в одной книге автор противоречит самой себе. В этом фрагменте она пишет, что *«Иуда расторгнут со своим грехом»*, а ранее мы читали о состоянии Иуды после события взятия под стражу: - *«весь грех остается на тебе»*, *«он привязан к своему греху, к себе в состоянии этого греха»*, *«душа Иуды теперь накрепко соединена с ним тяжелейшим грехом богохульства и богоубийства»*. А затем опять: *«Ты не смеешь пожалеть себя даже перед лицом второй смерти, потому что, отрекаясь от греха, ты вынужден полностью отречься от себя, от своей души»*. Так как правильно-то?

В главе «Раскаяние на рассвете» такие слова:

«Побеждает Иисус не немедленно, как и воскресает не тотчас, как был снят с Креста. Он будет похоронен – и здесь тоже параллель: Иуда от ухода с Вечери до Гефсимани – «гроб окрашенный» своей собственной убитой души, и Христос, соединенный с ним Причастием, пребывает в этом гробу. Он сойдет в ад его душевного состояния, разрушая этот ад изнутри, как разрушил его в Великую Субботу. Как ад, поглотив человека-Иисуса, внезапно встретился с Богом, так же и сатана, покусившись на убитую душу Иуды, неожиданно оказывается лицом к лицу с Господом и вынужден отойти»

Д. Сивашенкова вводит учение о посмертном единении Господа Иисуса Христа с удавившимся предателем, подчас проводя кощунственные параллели между Искупительной смертью Христовой и смертью Иуды.

И не был Иуда соединен со Христом Причастием, это было Причастие в осуждение.

Святитель Иоанн Златоуст:

«Итак, никто пусть не приступает коварным, никто – исполненным злобы, никто – имеющим яд в мыслях, чтобы не причащаться «во осуждение». И вот, после принятия предложенного, в Иуду вошел дьявол, презрев не тело Господне, но презрев Иуду за его бесстыдство, дабы ты знал, что на тех, которые недостойно причащаются божественных тайн, особенно нападает и постоянно входит дьявол, как и тогда в Иуду. Тогда Иуда недостойно был участником тайной вечери и, выйдя, предал Господа. (Это случилось так для того) чтобы ты знал, что кто недостойно участвует в таинствах, на тех особенно всегда нападает дьявол, и что они подвергаются большему наказанию.»

А далее автор книги выкладывает все подробности о том, что думал и делал Иуда, хотя нигде в Священном Писании об этом не говорится. И снова удивительно, что боговдохновенный апостол Иоанн, бывший современником, соратником Иуды что-то надумывает относительно Иуды, а писать такие «подробности» спустя 2000 с лишним лет Дарью не смущает. Более того, она с уверенностью передает все движения души Иуды.

С 271 по 273 страниц мы читаем одни из самых кощунственных слов:

«Подавая Искарриоту на Тайной Вечере Причастие, Иисус знает, что подает его Иуде и в последние часы жизни, и в вечность. Все просто и одновременно несказанно... Спаситель еще жив, евангелист Матфей относит самоубийство Иуды ко времени, когда над Иисусом еще идет суд. Но, верный Своему слову, Он оказывается вместе со Своим учеником в его смерти, еще будучи живым здесь, на земле. И в духовной смерти. И в физической. И это значит только одно: Иуда не попадает в шеол, куда до пришествия Христа попадали абсолютно все праведники и грешники. И он не остается один. И бесконечный ужас слияния со своим грехом вне плоти тоже его миновал»...

«Ибо, как Христос устанавливает таинство Причастия до Своей смерти, но как бы уже из-за ее границы (собственно, Он Сам первый ломает Свою Плоть и проливает Свою Кровь), так и Иуда, причастившись и умерев до смерти Христа и Его сошествия в шеол, оказывается там вместе с Ним еще до того, как Он там оказался в силу Своей смерти. А значит, шеола в ветхозаветном понимании для него уже нет, потому что шеол – это полное отсутствие Бога».

«История Иуды уникальна тем, что для него причастие Христу означает непопадание во все еще существующий шеол. А непричастие Ему значило бы попадание и безусловную полную смерть. Да, конечно, через несколько часов там окажется и Сам Христос, и шеола больше не будет ни для кого, но там же безвременье и нет разницы, сколько пройдет на земле, мгновение или тысячелетие. В шеоле это все равно»

Согласно ее «художественному богословию», Христос-Спаситель сходит вместе с Иудой во ад, (поскольку Иуда – первый умерший причастник Тела Христова, а значит, якобы соединен со Христом неразрывно), и, следовательно, смерть Иуды и его попадание во ад – это и есть первое сошествие Христа во ад. А то Сошествие во ад Спасителя, которое произошло после Его Крестной Жертвы – это, по Сивашенковой, на самом-то деле, уже второе сошествие Христа во ад.

На с. 273 есть еще одни удивительные слова:

«Телесность в принципе – залог возможности покаяния, которое потому и возможно на Страшном Суде для воскресших во плоти. Иначе какой смысл судить их второй раз?»

Своего рода апокатастасис? Раз так, раз у меня будет возможность на Страшном Суде покаяться, то можно в этой жизни спокойно пить, воровать, блудить, убивать. Так? Хотя далее встречаем в книге: *«Нынче суд, а на суде – или*

смертный приговор, или Его любовь». Впечатление, что пишет не один и тот же человек.

Но если бы Иуда не был соединен со Христом и до, и после смерти, то в шеоле их встреча не состоялась бы. Шеол – место, где ты оставался наедине со своим грехом, раскаялся ты в нем или нет, потому что это место, полностью отрезанное от Бога. Для Иуды это значило бы просто перестать быть человеком, личностью.

Какие странные слова. В православии отсутствует учение о деперсонификации. Это мы можем обнаружить в языческих заблуждениях, когда личность человека растворялась в Абсолюте.

А вот что видим дальше:

«Господь не зря устанавливает таинство Евхаристии именно в последний вечер со Своими учениками. Он мог это сделать позже, уже воскреснув и собрав оставшихся верных Одиннадцать. Но Он делает это накануне распятия и причащает всех учеников без исключения, чтобы, когда будет поражен Пастырь и рассеются овцы, остаться с ними и блюсти их, не давая им разбежаться, дать им сил пережить Свою смерть. Он собирает их воедино в Себе, накрепко связывает их с Собой и друг с другом, братая их Собственной кровью. Союзом любви апостолы Твоя связавый... В том числе – и того, кто ушел совсем уж в страну далече. И всех нас вместе с ним, кстати. Страх сказать, но и с ним мы братаемся в крови Христа – и делайте из этого любые выводы, которые пожелаете».

Короче, открывая глаза в вечности, Иуда оказывается не один. Он оказывается со Христом.

Автор приглашает нас сделать выводы. Согласно Сивашенковой, Спаситель установит Евхаристию, чтобы, в частности, остаться и с Иудой, блюсти его, накрепко связать с Собой, братая его в Своей Крови и с Собой, и с апостолами, а значит, и со всеми нами, православными христианами. Но как мы можем брататься с тем, кто навечно осужден и пребывает в аду? Иуда причастился в осуждение, был извержен Христом, и тогда овладел им сатана. О незавидной участи Иуды говорит сам Господь: *«Впрочем, Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться»* (Мф.26:24).

Ну как же еще с дерзостью не ответить еще одному святому отцу? На этот раз это преподобный Марк Подвижник.

«Никто столько не благ и не милосерд, как Господь; но некаящемуся и Он не прощает». Оставьте, все Он прощает... Наше раскаяние и покаяние – это ответ на Его прощение, на Его голос, зовущий к Себе, никак не иначе.

Комичный фрагмент, напоминающий персонажей мультфильма студии Walt Disney – Тимона и Пумбу. Когда с виду глуповатый Пумба предлагает здравую мысль, Тимон его обрывает словами: «У меня другая идея» и повторяет в точности то, что сказал его друг-бородавочник.

«Покаяние лишь усугубит его вину» - говорит автор ниже по тексту. Ну как это так? Ну как же так, Дарья?

В заключительной главе книги Д. Сивашенкова описывает поначалу как бы безысходность Иудиной участи «несмотря ни на что», ею же придуманную в плане всего вышесказанного. На Страшном Суде, - говорит автор, - Христос оттолкнет Иуду.

«пробитой рукой – раскаяния твоего не принимаю, лети навечно во тьму внешнюю. Что заслужил, то и получаешь, ибо воздаяние за грех – смерть (Рим. 6: 23), и этих слов из Писания тоже не вычеркнешь».

Поначалу это звучит как «вопрос», но этот «вопрос» всё более перерастает в утверждение и даже «богословское» обоснование буквально триумфального прощения и спасения Иуды.

«Но, может быть, все-таки не оттолкнет? Может, сжалится и скажет «не бойся»? Шагнет к нему первый, привлечет к Себе и обнимет: «Иди ко Мне, Я тебя простил, Я – Господь твой, Учитель и друг». И закончит эту историю, подарив раскаявшемуся жизнь, а не отдав на смерть, не оттолкнув от Себя в вечную погибель. Просто помилует. Не ожидая ни первого шага, ни слов, ничего – помилует без всяких условий...»

А далее развивает:

«Но, может, все же помилует? Соединит совершенное раскаяние (это о раскаянии Иуды) с совершенным милосердием?.. Не за раскаяние, не по делам, не

ради страдания, а просто от милости Своей, превосходящей всякое разумение и уж тем более всякий грех. Ради Своей беспредельной любви и Своего милосердия, ради спасения человеческой души забудет тяжесть нанесенной Себе обиды и немыслимость преступления. Пренебрежет Своей болью ради его боли и оценит Свою жизнь дешевле спасения худшего из грешников. И сделает тот первый шаг, который никогда и никак не сможет сделать сам Иуда. Сделает не ради того, чтобы погубить, а чтобы до конца спасти, потому что и погубление, и спасение теперь только в Его руках... И не за спиной Иуды окажется бездна второй смерти, а за спиной Христа, и путь в нее будет навсегда прегражден – Им. И то, что было Искарриоту совершенно неведомо по раскаянии, явится во всей ясности после смерти: Он заслонил, Он спас, Он не бросил. Как прежде распятия и Воскресения дал в пищу Свои Плоть и Кровь, как раньше Своей смерти оказался в смерти с учеником, так и простил до покаяния, любовью Своей покрыв абсолютно все. Грех обступил душу, но Спаситель оказался ближе греха и, Сам соединившись с человеком, не дал нераздельно слиться с ним греху... , то Он по Своей воле до человеческой души не допустит. И тогда Иуда не просто увидит Христа, не просто поймет тем пониманием, которое дается только по ту сторону, что соединен с Ним Причастием. Что не смог бы он пойти путем Божьей правды без помощи Христа, потому что ко Христу может рваться только то в нас, что принадлежит Ему. Еще он осознает, что Христос был с ним все это время – не бросил его, не оставил, а был с ним даже тогда, когда сатана практически полностью завладел им. Не погнушался и не отрекся. А потом, когда сатана оставил, буквально за руку провел по дороге последних часов. И был с ним в раскаянии, в отчаянии, в стыде, в вине – во всем был со Своим учеником, все с ним разделил, ничего от Него не осталось сокрыто. Нет ничего, чего бы Он не коснулся Своим состраданием и прощением. Его прощение – это исцеляющая благодать, творящая то, что мы сотворить с собой не в состоянии. **Иуда сделал все, что было в его силах, чтобы отречься от греха, проявил свою волю, выложившись до самого конца.** А остальное, что он просто не мог сделать изнутри себя, сделает Христос, простив его, окончательно разделив Искарриота с его грехом и освободив его. Не бойся Меня, скажет Он. Не бойся смерти, не бойся ада, ибо Я с тобой. Не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой. В Нем нет ни упрёка, ни отвращения – ничего, кроме сострадания и любви. Перед лицом Его любви никто не устоит в ненависти к себе. Тут ничего, кроме благодарности, быть не может. Вообще – ничего. А от благодарности – ответная любовь. Тем более сильная, чем невероятнее прощенный грех»

Выделенные слова процитированного фрагмента – прямое заявление о том, что Иуда совершил максимальное покаяние! «Остальное сделает Господь», - говорит автор книги. Если Христос говорит о том, кто предаст Его, что лучше бы таковому не родиться, то каким образом мы еще можем сомневаться в его участи? Если Церковь, будучи столпом и утверждением истины, однозначно говорит об участи Иуды и отсутствии покаяния, если святые отцы согласно об этом пишут, как можно понимать эти прямо противоположные слова? Как мы можем говорить «может, помилует?»

Из жития **преподобного Аввы Сисоя** читаем следующее:

«Когда преподобный Сисой лежал на смертном одре, окружавшие старца ученики увидели, что лицо его просияло. Они спросили умирающего, что он видит. Авва Сисой ответил, что он зрит святых пророков и апостолов. Ученики спросили, с кем преподобный беседует? Он сказал, что пришли Ангелы за его душой, а он просит их дать ему еще хоть краткое время на покаяние. "Тебе, отче, нет нужды в покаянии", – возразили ученики. Но преподобный Сисой, по своему великому смирению, ответил: "Поистине я не знаю, сотворил ли я хоть начало покаяния моего»

Святые, праведники на смертном одре не дерзали заявлять о себе того, что Д. Сивашенкова пишет об Иуде.

Такие рассуждения чреваты охлаждением и ослаблением в духовной жизни. Вот видите, наверное, и Иуду помилует, а я же не хуже него. А может нам всем на Страшном суде всё забудет Господь? За каждый грех, более того, за каждое слово понесем ответ!

А в контексте усугубления вины при покаянии, оправдания самоубийства, как единственного выхода, а также возможного покаяния после смерти по версии Сивашенковой – ее изречения полностью извращают православное учение о покаянии, искупительной жертве Христа и спасении человека.

В послесловии Д. Сивашенкова утверждает, что понимание того, что «именно защищал и спасал Иисус в Гефсимании» указывает на то, какова участь Иуды:

«На самом деле, выбрать одну из двух концовок можно, исходя не только из личных предпочтений, но и из понимания того, что именно защищал и спасал Иисус в Гефсимании. Хотел ли Он спасти именно этого конкретного человека –

или некий принцип, на который покушался сатана?.. И с чем и за что сражается Христос: с этим наглым притязанием – или за душу предателя?.. История Иуды – это евангельская история, а все, написанное в Евангелии, в первую очередь раскрывает грани личности Христа... Это история про Его любовь. Только в Нем все случившееся обретает и смысл, и законченность... Смотрите, через призму одной лишь этой истории (истории Иуды и его «спасения» - прим. наше) можно увидеть все Евангелие: и любовь Бога к человеку, беспредельную и не судящую, и глубину Его жертвы ради спасения грешника, и путь от падения и преступления к раскаянию и прощению, путь обретения Бога из такой бездны, из которой, казалось, нет уже спасения. Это история, в которой соединяется хвала и прославление Бога, Евангелие в миниатюре, Новый Завет, сбывшийся в одном-единственном человеке, как знак, что даже ради спасения одного-единственного состоялось бы и воплощение, и распятие. Как символ того, что точно так же Евангелие может и должно сбыться в каждом из нас. Потому что Господь ищет, как бы спасти каждого. Иисус на кресте берет на Себя все грехи мира, и Его милосердием объят всякий грешник, от самого первого до самого страшного. И, образно говоря, по обе стороны распятия стоят его виновники, Адам и Иуда: виной праотца весь мир оказался во власти смерти, виной Искарота в смерти оказывается Бог. И в обоих случаях грех совершен по прямому наущению сатаны. Никто не может повторить грех прародителей, никто не может повторить преступление Искарота, все грехи мира заключены между этими двумя, оба они привели Христа на крест. Я бы даже сказала, что все грехи мира заключены в этих двух грехах. И если Господь милует этих грешников, то каждый имеет надежду на прощение, потому что круг милосердия Божьего замыкается, в нем нет разрыва. Все заключено в этот круг, ни один раскаявшийся грешник не должен терять надежду. Страшно быть не виноватым перед Ним, ибо нет вины, которую не покроеет Его милость, страшно быть нераскаянным и не нуждаться ни в милости, ни в Нем Самом. Потому что нет ничего милосерднее Его Суда, на котором Он отделяет грех от грешника, чтобы предать огню грех и спасти человека. Лишь бы сам человек в раскаянии пожелал разлучиться со своим грехом и отречься от него, любой ценой. И тогда грех, раскаянный и прощенный, становится Его воплощенным милосердием, и из сосуда проклятия – сосудом Его милости. Самый глубокий, самый тяжелейший, самый стыдный грех, когда Христос касается его Своей милостью и прощением, превращается из глубокой раны ко смерти – в глубокую чашу с благодатью Его милосердия. Он саму смерть преображает в спасение... И дно становится горней высью». (с.289-293).

Это всё об Иуде. Бог создал нас без нас, но не спасает нас без нас! Спасение ненасильственно. Если не совершаем истинного покаяния, если не плачем о грехах своих, то о каком спасении может идти речь? Любовь Бога не судящая? Но сколько мы видим в Священном Писании, что Бог - Судия, Мздовоздаятель. Апостол Павел говорит, что Бог «воздаст каждому по делам его» (Рим. 2:6) и что «нет лицепрятия у Бога» (Рим. 2:11), «каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал» (Еф.6:8).

Святитель Филарет Черниговский пишет:

«Правда Божия составляет такое свойство в Боге, по которому Он, любя Сам верность нравственному закону, желает, чтобы разумные творения также пополняли закон, а потому предписывает им закон и за исполнение его награждает, также как за не исполнение наказывает. Таким образом правда Божия является в двух действиях и называется то правдою законодательною, то правдою мздовоздаятельною».

Автор верно говорит, что страшно быть нераскаянным. Иуда таковым и был. Он не совершил покаяния и самоубийством отсек себя от милости Божией.

В заключительных строках книги Д. Сивашенкова использует кощунственную до хулы на Пресвятую Богородицу параллель:

*«А из **черного зеркала** Марии Иуда преображается в Ее подлинного двойника. Искарриот, как и Богородица – оба образы милости Божьей, бесконечной, горячей и заступнической Его любви. Она – образ того, как человек может тянуться к Богу, а он – как Бог может снизойти до человека. Величайшее смирение и чистота Матери; **величайшее раскаяние убийцы, чей кровавый грех убелен**, как руно, Его милостью. Как Ее мы зовем Надеждой безнадежных, так и его история – точно такая же надежда безнадежных, боящихся глаза на Него поднять в раскаянии»*

То есть, оказывается раскаяние убийцы является эталоном и образцом раскаяния для христиан?

«Так и его (Иуды) история» – точно такая же надежда безнадежных, боящихся глаза на Него поднять в раскаянии” - **то есть, у самоубийц есть Евангельский пример, который внушает в них надежду на спасение?**

Это очень страшные выводы. Д. Сивашенкова данной книгой оправдывает и убеляет смертный грех, ведущий в ад без надежды на спасение. Подводя ужасное оправдание самоубийству, понимает ли автор, что с ее легкой руки многие верующие, лишив себя жизни временной, лишатся и жизни вечной. Это ли от Бога?

III. Богослужебные тексты об Иуде

Богослужебные тексты составлены святыми отцами. Об их догматическом авторитете говорит и то, что они приняты всею Церковью. **Святитель Феофан Затворник** так говорил:

«Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская, и все нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг».

По этой причине обратимся и к ним.

Великий Вторник

Седален на ЦСЯ: *«Иуда разумом сребролюбствует, / на Учителя враждебне подвизается, / советует, поучается преданию, / света отпадает, тьму приим, / соглашает цену, продает Безценнаго: / темже и удавление, возмездие еже содея, / обретае окаянный, и лютую смерть, / предав Тебе Господа. / Того нас части избави Христе Боже, / прегрешений оставление даруя, / празднующим верою пречистую страсть Твою»*

Перевод: *«Иуда сознательно предается сребролюбю, / на Учителя, неприязненный, движется, / советуется, продумывает предательство, / от света отпадает, предпочитая тьму, / сговаривается о продаже, продает Бесценного; / потому и удавление в возмездие за то, что совершил, / получает, злосчастный, / и смерть мучительную. / От его участи избавь нас, Христе Боже, / согрешений отпущение даруя / празднующим с любовью пречистые страдания Твои»*

В этом песнопении Великого Вторника мы читаем, что «Иуда от света отпадает, предпочитая тьму».

Великая Среда

Стихира на хвалитех, ЦСЯ: *«Егда грешная приношаше миро, / тогда ученик соглашашеся пребеззаконным. / Овая убо радовашеся, / истоцающи миро многоценное: / сей же тцашеся продати Безценнаго. / Сия Владыку познаваше, / а сей от Владыки разлучашеся. / Сия свободяшася, / а Иуда раб бываше врагу. / Люто есть леность, велие покаяние: / еже мне даруй Спасе, / пострадавый о нас, и спаси нас»*

Перевод: *«Когда грешница приносила миро, / тогда ученик сговаривался с беззаконниками. / Одна радовалась, тратя миро драгоценное, / другой же спешил продать Бесценного. / Та Владыку познавала, / а этот от Владыки отдалялся. / Та свободу получала, / а Иуда становился рабом врага. / Страшное дело – небрежение, / великое – покаяние: / даруй мне его Спаситель, пострадавший за нас, / и спаси нас»*

На службе Великой Среды вся Церковь молится о том, чтобы Господь избавил нас от жалкой доли Иуды, который стал рабом врага – дьявола. Если мы молимся об избавлении от такой доли, значит эта доля ничто иное, как вечные муки.

Малое повечерие Великого Четверга

Тропарь канона, ЦСЯ: *«Нрав богоубийц проданию сребролюбца смесивыйся: / ов убо ко убиению вооружився, / ов же к сребренном устремляшеся: / давлением бо тогда предразсудив покаяние зле, / еже жити лишися»*

Перевод: *«Замысел богоубийц / с поведением сребролюбца сочетался: / те к убийству вооружались, / этот же к сребренникам устремлялся; / и вот, давление тогда покаянию предпочтя, / он бедственно жизни лишился»*

В этом богослужебном тексте православная Церковь говорит о том, что вместо покаяния Иуда избирает давление – самоубийство. Он, возводя хулу на Господа, что Тот его не простит, в отчаянии без покаяния умерщвляет себя.

Канон на Утрени

ЦСЯ: *«Иже со Мною руку свою в солило вложит дерзостию, / тому обаче добро бы врата жития пройти никогдаже: / сего, иже бе предатель, являше Бог отец наших»*

Перевод: *«Тот, кто со Мною / дерзко опускает руку в блюдо, / тому было бы лучше / совсем вратами жизни не пройти», – / так указал того, кто это был, / Бог отцов наших»*

Все верующие исповедают ту истину, что Иуда не спасен. Как видим, предавшему лучше было не родиться. Это отчетливое свидетельство о незавидной судьбе Иуды.

Стихира на стиховне, ЦСЯ: *«Днесь еже на Христа лукавое собрася соборище, / и на Него тщетная советоваше, / предати Пилату на смерть неповиннаго. / Днесь именем удавление Иуда себе облагает, / и лишается обоюду жизни привременныя и Божественныя. / Днесь Каиафа неволю пророчествует: / уне, глаголя, единому умрети за люди. / Прииде бо за грехи наша пострадати, / да нас свободит от работы вражия, / яко Благ и Человеколюбец»*

Перевод: *«В сей день собрался против Христа враждебный синедрион / и замыслил против Него тщетное: / Неповинного предать Пилату на смерть. / В сей день Иуда деньгами накидывает петлю на себя, / и вдвойне лишается жизни, / – и временной, и божественной. / В сей день Каиафа невольно пророчествует, говоря: / “Лучше Одному погибнуть за народ”, – / ведь действительно пришел Он за грехи наши пострадать, / чтобы освободить нас от рабства врагу, / как благой и Человеколюбец»*

В этом песнопении Церковь ясно исповедует о том, что, Иуда, лишив себя жизни временной, лишился и божественной. То есть, обрек себя на вечные муки.

ЦСЯ: *«Да никтоже, о вернии, / Владычния Вечери тайноненаучен, / никтоже отнюд яко Иуда / льстивно да приступит к Трапезе: / он бо укрух прием, на хлеба уклонися. / Образом убо сый ученик, вецию же сый убийца. / Со иудеи убо веселяся, / со апостолы же водворяяся: / ненавидя лобызаше, / лобызая же продаваше искупившаго нас клятвы, / Бога и Спаса душ наших»*

Перевод: *«Никто непосвященный, о верные, / да не приступит к Владычней вечере, / совсем никто да не приступит к трапезе коварно, как Иуда: / ведь он приняв кусок, против Хлеба устремился; / внешне представляясь учеником, / на деле же являясь убийцей, / вместе с Иудеями радовался, / хотя и жил одной жизнью с Апостолами; / ненавидя он целовал, целуя же продавал / Искупившего нас от проклятия, / Бога и Спасителя душ наших»*

Стихира на “Господи, возвах”, ЦСЯ: *«Рождение ехиднов воистинну Иуда, / ядших манну в пустыни, и ропщущих на Питателя: / еще бо брашну сушу во устех их, / клеветаху на Бога неблагодарнии: / и сей злочестивый / Небесный Хлеб во устех носяй, / на Спаса предательство содела. / О нрава несытнаго, и дерзости безчеловечныя! / Питающаго продает, / и Егоже любляше Владыку, предаеше на смерть: / воистинну онех сын беззаконный, / и с ними пагубу наследова. / Но пощади Господи, души наша от такового безчеловечества, / Едины в долготерпении неизреченный»*

Перевод: *«Отродье змей поистине Иуда, / тех, что вкусили манну в пустыне / и роптали против Питавшего; / ибо, когда еще пища была в их устах, / клеветали они на Бога, неблагодарные. / И этот нечестивец, держа в устах небесный Хлеб, / совершил измену против Спасителя. / О, ненасытный нрав и дерзость бесчеловечная! / Он Питающего продавал / и Владыку, лобзая Его, предавал на смерть. / Подлинно сын тех этот беззаконник / и вместе с ними получил в удел себе погибель. / Но избавь, Господи, души наши от такой бесчеловечности, / Ты – Единственный, Несравнимый в долготерпении»*

Этой молитве все православные христиане ясно исповедуют о погибели как уделе Иуды и молятся об избавлении от такого удела.

Великая Пятница

Антифон, ЦСЯ: *«Днесь Иуда оставляет Учителя, / и приемлет диавола, / ослепляется страстию сребролюбия, / отпадает Света омраченный: / како бо можаше зрети, / Светило продавый на тридесятих сребреницех? / Но нам возсия Страдавый за мир. / К Немуже возопим: / пострадавый и сострадавый человеком, / Господи, слава Тебе»*

Перевод: *«В сей день Иуда покидает Учителя / и принимает в себя диавола, / ослепляется страстью сребролюбия / и, объятый мраком, лишается света; / ибо как мог видеть / продавший Светило за тридцать сребреников? / Но нам воссиял Пострадавший за мир, / Которому мы возгласим: / «Пострадавший и людям сострадавший / Господи, слава Тебе!»*

ЦСЯ: *«Днесь Иуда притворяет богочестие, / и отчуждается дарования, / сый ученик бывает предатель: / во обычном лобзании лесть покрывает, / и предпочитает Владычния любве, / несмысленно работати сребролюбю, /*

наставник быв соборища беззаконнаго: / мы же имуще спасение Христа, / Того прославим»

Перевод: *«В сей день Иуда притворяется богобоязненным / и лишается дара благодатного; / оставаясь учеником, становится предателем: / в дружественном нраве скрывает коварство / и безрассудно предпочитает любви Владыки тридцать сребренников, / став для преступного синедриона проводником; / мы же, имея спасением Христа, / Его прославим»*

ЦСЯ: *«Братолюбие стяжим яко во Христе братия, / а не немилостивное еже к ближним нашим: / да не яко раб осудимся немилостивый, пенязей ради, / и яко Иуда раскаявшеся, ничтоже пользуемся»*

Перевод: *«Братскую любовь приобретем, / как братья во Христе, / и не будем бессердечны к ближним нашим, / чтобы не быть осужденными из-за денег, как раб немилостивый, / и не раскаяться, как Иуда, без всякой пользы»*

В тексте службы видим, что Иуда лишается света, благодатного дара, а также несомненно исповедует бесполезное раскаяние Иуды. То есть, это было не покаяние, а раскаяние о неисполненных мирских чаяниях.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

- 1) Автором книги не соблюдено правило в экзегезе Священного Писания. Д. Сивашенкова изъясняла евангельские события так, как ей казалось верным и нужным для реконструкции своего видения событий, зачастую вразрез со Священным Преданием и критикой святых отцов, а также с дополнением Священного Писания выдуманными событиями, порой даже противореча самим Евангелистам.
- 2) Мы убедились, что Д.Сивашенкова в тексте книги неоднократно высказывает еретические и богохульные мысли.
- 3) Содержание книги чревато негативными последствиями для духовной жизни: ослаблением аскетики, хулой на Бога в виде мысли о том, что Бог простит несмотря ни на что, раз простил и Иуду, идеями о том, что можно причащаться без покаяния, не испытывая совесть, что самоубийство может быть прощено, что возможно покаяние после смерти, и, более того, якобы покаяние при жизни вообще может усугубить вину.